

ЕВГЕНИЙ ГРУШКО

ЛУГРЫ

Евгений Грушко

Лугры

«Издательские решения»

Грушко Е.

Лугры / Е. Грушко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904803-5

Кто прочтёт эту книгу, тот совершит увлекательное путешествие в мир лугров, хруллей и сморков... и узнает ответ, как победить зло, не став при этом злодеем. Кто прочтёт эту книгу, тот станет добрым навсегда.

ISBN 978-5-44-904803-5

© Грушко Е.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	12
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лугры

Евгений Грушко

© Евгений Грушко, 2020

ISBN 978-5-4490-4803-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С давних пор в прекрасных землях Лугрии жил лесной народ лугров. Это был работающий и мирный народ. Лугры выращивали капусту, ставили капканы на кротоликов и охотились на свирепых клыкологов.

С древних времён они любили давать друг другу весёлые имена, такие как: Дырчик и Выпуклыш, Бололо и Лолобо, Круглобок и Лолобок, Ложкаед и Ухожуй, Криводуй и Лоботук, Кривоход и Бровиход... но в последнее время они встречались всё реже. И хоть лугры к именам стали относиться посерьёзней, но фамилии остались прежние. А было их несколько: Мордобомсы и Дуболомсы, Жлобсы и Пожирамсы, Обломсы и Побирамсы. Фамилии эти появились очень давно. И уже мало кто помнил почему. Но всё же можно было услышать, как кто-нибудь говорил:

– Пожирамсы мы сегодня или нет?

Или:

– Да не будь ты таким Жлобсом!

Мордобомсов старались держаться стороной. Потому что в их роду был странный обычай, который они называли «маленький мордобойчик». Жлобсы хоть и стеснялись своей фамилии, но всё же считали, что лучше быть Жлобсом, чем Обломсом. Обломсы же кричали, мол, зато они не Побирамсы! А Побирамсы успокаивали себя мыслью, что они с чистой совестью.

Но как бы ни спорили представители разных фамилий, все уважали кузнеца Дорофея из рода Мордобомсов. Молва о нём шла по всей округе. А любили и уважали его за то, что он помогал всем, кто обращался к нему за помощью. И как добропорядочный семьянин он был примером для подражания. У него была хозяйственная жена Элеса и смышлённый сын Мирек. И вот о нём-то и пойдёт наш рассказ.

Сколько ему было лет, никто не знал, потому что лугры не привыкли считать свои года. Но прошлой осенью Мирек заметил, что его кожа стала менять цвет, и это означало, что он начал взрослеть. Как известно, молодые лугры – совсем зелёные, так что в лесной чаще их и не разглядишь. Но чем старше они становятся, тем всё больше приобретают коричневый оттенок. А к пожилому возрасту их уже и вовсе можно спутать со стволом дерева. Ходят поговорки, что сердитые лугры со временем чернеют и даже превращаются в клубни картофеля. Но все знают, что это сказки! Потому что лугры – и сердитые, и весёлые – в конце концов превращаются в деревья. Поэтому они никогда не рубят их и почитают святынями. В хозяйстве же используют только опавшие ветви. Так как считают это заботой предков. А жилища строят из деревьев, поваленных ветром. Так они спасают предков от тлена.

Жизнь в Лугрии текла изо дня в день, из года в год, и думалось Миреку, что он будет постигать кузнечное ремесло, а потом сможет работать и самостоятельно. И как только он станет полноправным кузнецом, вот тогда-то и обзаведётся семьёй, да и проживёт жизнь размеренно и безмятежно, как и многие.

Но однажды вечером в деревню забрёл ковыляющий из последних сил коренастый сморк. Штаны его были изодраны, волосы слипались от грязи, а борода торчала клочьями. Глядел путник ошалелым взглядом, чем и перепугал многих в деревне. Но только не Мирека и отца его – Дорофея. Поэтому на ночлег он остался в их доме.

Надо сказать, что лугры знали не понаслышке, что такое настоящая усталость. Поэтому за путника селяне взялись со всем старанием. Они вмиг истопили баньку. И пока два старых лугра обхаживали сморка лопуховыми вениками, лугрянки простирнули и заштопали его одежду. И когда гостя окатили ушатом холодной воды, то в его упаренных глазках просияла жизнь и заиграли огоньки. Не прошло и пары часов, как сморк, вымытый и сияющий, сидел в окружении лугров в избе кузнеца и прихлёбывал травяной чай с блюдечка. Чтобы низкорос-

лему гостю было удобней среди большой и грубой мебели лугров, селяне положили на скамью подушечку. На ней-то и восседал сморк, поглядывая на окружающих. Его густая борода и каштановые волосы были тщательно причёсаны, так что теперь он походил не на разбойника с большой дороги, а на добротного старосту шахты сморков.

В следующий час он рассказывал, как отбивался от стаи клыкозубов, из-за которых просидел на дереве всю ночь и один день. А потом в каких-нибудь десять минут поведал о том, что бежит он подальше от столиц и замков, сёл и городов. Бежит хоть куда! Хоть на дальний север, хоть на крайний восток! Бежит, потому что из-за моря надвигаются неслыханные полчища серых иноземцев. А вокруг происходят странные события, в которых замешано колдовство. В одних городах жители бросают работу, теряют интерес к происходящему и смотрят пустым взглядом. В других же творится сущее безобразие, из которого он на силу вырвался. Закончив рассказ, сморк отхлебнул чай с блюдечка, откусил бублик, задумчиво пожевал и пришёл к заключению, что их, дескать, спокойной жизни настал конец. Потом он зевнул, скромно крякнул в кулачок и попросился на печку.

Лугры от таких новостей были несколько озадачены. Они привычно бы обсудили охоту или сенокос, может быть, поговорили бы о ценах на жёлуди или на шкурки кротоликов, но что касается неведомых полчищ, это уж увольте.

– Не нашенское это дело, – сказал дед присутствующим, поглядывая на печку, на верхах которой посапывал и посвистывал на все лады и ноты старательно вымытый сморк.

– Может, он совсем того, – шепотом добавил старый лугр и pokrutil пальцем у виска.

– Правильно, – подхватил его другой, – свалился не пойми откуда – и на тебе! Полчища! Удумал чего!

– Я сразу заподозрила, – заговорщицки проговорила старуха-лугрянка, – каторжный он, беглый. Порядочный сморк разве наденет такие штаны?

– Тебе же сказано было, на дереве он сидел. Клыкозубы его подрали, – пояснили ей.

– А чего он по лесам тогда шастает? – не унималась та. – Разве порядочный сморк будет шастать?

– Тьфу ты, старая! – дед сплюнул в сердцах. – Все у тебя каторжники, да разбойники! Будто сама по грибы не ходишь!

Размышляли они долго, напряжённо и шёпотом, дабы не разбудить дорогого гостя. Когда же ночь навалилась на деревню, и из-за печки послышалась трель сверчка, все пришли к выводу, что от нападения зверей гость их попросту спятил. И решили расходиться по избам, оставив сморка и сверчка наедине, насвистывать только им понятную мелодию.

В тот вечер Мирек впервые задумался о том, что жизнь, может обернуться не такой уж и размеренной, как ему грезилось. Оказывается, кто-то может прийти к ним с оружием в руках и захватить деревню. От этой мысли ему стало не по себе, и он полночи не мог уснуть, думая о неведомых краях и странах, о чужеземцах и путешественниках. И он решил, что завтра же поговорит об этом с отцом. А когда дремота окутала его, то он погрузился в смутные и тревожные сны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наутро сморк разлепил глазки и сразу же заспешил в дорогу. И как только лугры ни уговаривали его остаться, он всё равно был непреклонен и настойчиво заявил, что ещё хочет жить, а стало быть, надо идти на север. На это пожилые лугры озадаченно почесали затылки и констатировали:

– Да-а. Эко его загнуло.

Потом ему собрали провиант в котомку, а именно: бутылку желудёвого морса, каравай ещё тёплого ромашкового хлеба, десяток сваренных в крутую яиц крылобоков, да пучка два зелёного лука. В общем, проводили как полагается.

Сморк долго раскланивался в пояс, потом ещё долго махал рукой, постоянно оборачиваясь. Когда же он скрылся в лесной чаще, жизнь в деревне вновь пошла своим чередом, будто сморка совсем и не было. Лугры разбрелись по своим делам-заботам. Кто ушёл на охоту, кто – в поле. Мирек же с отцом совершали таинство огня и металла.

Неказистый домик, который все называли кузницей, в действительности же был великим храмом труда. Здесь силой мускулов приводились в движение тяжёлые кузнечные меха, а они раздували жар в печи, в котором лугры переплавляли руду, что выгрызали мотыгами из недр земли где-то на краю мира трудовые руки сморков. Здесь поднимался громадный молот, высекая искры. Здесь лугры закаляли металл, а труд закалял лугров.

– Отец, готово, – сказал Мирек.

Он достал щипцами раскалённую заготовку из печи и положил её на наковальню.

– Вот и хорошо, – произнёс Дорофей и надел перчатки.

Металлический обруч стягивал его длинные волосы, а грубый кожаный фартук покрывал измазанный сажей торс. Кузнец расправил могучие плечи, взял молот, размахнулся и ударил по заготовке так, что в стороны полетели искры. Мирек же старался удерживать щипцы. По кузне разносился звон металла, тяжёлое дыхание кузнеца, шипение печи.

– А ты что всё один ходишь? – между ударами спросил Дорофей.

– А что мне? – Мирек смутился и пожал плечами.

– Олесу что, не видишь? – кузнец ударил по наковальне. – Какая она красавица выросла.

– Она такая красавица, что даже и подойти неловко, – ответил Мирек.

– Смотри, уведут. Вот тогда будет неловко.

– Понимаю, но всё же не могу.

Кузнец был высок и силен, а лицо его, местами измазанное в копоти, освещали языки пламени – и он казался всемогущим богом огня. Он опустил молот и посмотрел на сына.

– Нет такого слова «не могу»! Лугр всё может. Должен всё мочь, – сказал кузнец и продолжил высекать искры.

Через некоторое время он вновь опустил молот.

– Я всё могу, – сказал он уже более спокойным тоном.

И тогда он уже был похож на ремесленника, хорошо знающего своё дело.

– Могу вот из куска железа сотворить инструмент. И он будет служить луграм и хрулям всю жизнь. Могу из грубого материала сделать изящную вещицу, которое будет украшать принцессу. Могу, наконец, на этой вот наковальне сделать меч, который будет достоин лучшего воина на свете. А ты – мой сын! И боишься к девчонке подойти!

– Но я же всего этого не могу, – оправдывался Мирек.

– Ничего, будешь, – сказал кузнец и ударил молотом по наковальне.

– Отец, – вскоре проговорил Мирек, – я всё думаю о словах этого сморка.

– А что о них думать? – не понял Дорофей.

– Что если он прав?

– Выкинь из головы! Он повредился умом от нападения клыкозубов. А может, и до этого был не в себе.

– Он сказал, что бежит от колдовства.

– Мало ли что он там наболтал! – отмахнулся кузнец. – В конце концов, нельзя же верить каждому проходимцу!

Но Мирека его слова не успокоили, и Дорофей заметил это. Он на минуту призадумался, а потом сказал:

– Решено! Сейчас доделаем подковы и начнём делать меч.

– Зачем? – удивился Мирек.

– Если у тебя будет меч, – сказал Дорофей, – тогда ты всегда сможешь защитить себя. Ни один колдун не сможет противостоять острию клинка!

Мирек подумал о том, что меч будет лежать без дела, потому что им дров не наколоть и землю не вспахать.

– Я ведь всё равно не умею им владеть, – сказал он.

– Научись.

– Но я не хочу учиться воевать.

– Надо уметь защищать себя и своих близких. А воевать никто не хочет, – сказал кузнец.

– Если никто не хочет, тогда почему воюют? – удивился молодой лугр.

– Наверно, потому что кому-то всегда чего-то не хватает, – предположил Дорофей.

– И чего же?

Кузнец задумался, а потом сказал:

– Наверно, еды и тепла.

– Тогда почему бы вместо меча не выковать топор? – спросил Мирек. – И тогда дров и тепла хватит на всех. Или сделать плуг и вспахать землю, чтобы всем хватило еды.

Когда подковы были готовы, Мирек опустил щипцы в деревянную бочку. Вода зашипела, и кузницу наполнил густой пар. Молодой лугр снял перчатки и фартук.

– Я схожу на реку, искупаюсь, – сказал он.

– Сходи, остынь, – отозвался Дорофей. – Да не задерживайся. Нам ещё до вечера нужно выковать клинок.

Мирек вышел на свежий воздух, прищурился от солнца и улыбнулся.

По свежескошенной траве ступали краснолапые гуси, гордо поглядывая по сторонам. Между ними кудахтали расторопные крылобоки. В траве стрекотали кузнечики, жужжали пчёлы и слепни. Вдалеке паслась кобыла.

Возле колодца он увидел Олесу. Когда он подошёл, она взглянула на него так, как могут смотреть только прекрасные лугрянки. И ему стало радостно на душе от её взгляда и от её улыбки. В её зелёных глазах сиял дух священного леса. А волосы, словно древесная река, спускались волнами – и заплетались в косу, словно корни.

– Здравствуй, Мирек, – сказала она.

– Здравствуй, – ответил он.

Олеса жила в доме по соседству, и сколько Мирек себя помнил, она всегда была рядом. Каждый день он слышал её нежный голос и не мог наслушаться. Каждый день он заглядывал в её глаза и не мог насмотреться. И чем больше он заглядывал в глубину её глаз, тем сильнее в его груди разливалось счастье.

Олеса опустила ведро в колодец. Оно, ударяясь о каменную кладку, глухо пропело, и предстало перед глазами наполненное до краёв искрящейся на солнце водой.

– Может, попить хочешь? – спросила лугрянка.

Она зачерпнула воду ковшиком и подала его Миреку. Он взял его, поднёс к губам – и на лице заиграли солнечные зайчики. Вода потекла по щекам и шее. Лугр утолил жажду, выдохнул, вытерся и проговорил:

– Аж зубы ломит.

Он отдал Олесе ковшик и улыбнулся.

– Спасибо, – сказал он и поспешил к реке.

– Привет, Мирек! – крикнул ему лугр из соседнего двора, что на грядке протирал васильковым соком капустные кочаны, чтобы те росли крепкими и пышными.

– И вам день добрый дядя Иштван, – ответил Мирек.

– Что, отец мастерит? – спросил тот таким тоном, по которому было понятно, что ответ он знает, а спрашивает так, для порядка.

– Мастерит, – ответил молодой лугр.

– Ну и молодец!

Мирек прошёл по лугу, касаясь ладонями высокой травы, будто бы гладил поле. Он уже предвкушал, как в этот жаркий и приятный день искупается в реке. На душе у него разливалось счастье, потому что самая красивая и заботливая лугрянка на всём белом свете живёт по соседству именно с ним.

«Либо это везение, либо я уж очень любим лесом! Что, в общем-то, одно и то же!» – думал он.

Мирек шёл по лесной тропинке и глядел под ноги, чтобы не раздавить слизней, которые беззаботно выползали из-под лопухов. А потом он вышел на поросший травой берег реки.

Речушка была не глубока, а течение её было медленно. Так что водную гладь пересекали водомерки, а у илистого дна были видны пузатые окуни, серебристые краснощёчки и многочисленные стаи мальков. Иногда можно было заметить, как в воду занырнёт юркая выдра. Или проплывёт, извиваясь, жёлтоухий уж. Да мало ли кого можно было увидеть в лесной реке!

Мирек уселся на большой камень, достал деревянную трубочку с проделанными в ней отверстиями, поднёс её к губам – и родилась мелодия, на удивление красивая и нежная. Мирек знал, что это поёт душа предка, которая живёт в дереве, из которого была вырезана дудочка. Каждый день он приходил сюда, садился на камень, и мелодия разливалась по берегам речушки. И тогда казалось, будто река и лес преображались. Речка текла быстрее и радостней, а лес протягивал к Миреку свои ветви.

– Добрый день, – вдруг раздался холодный голос.

Мелодия оборвалась. Мирек оглянулся и увидел на тропинке шмельфа. Серое одеяние полностью скрывало его фигуру. Капюшон, покрывающий голову, позволял увидеть только худое лицо, серое словно камень, и красные, налитые кровью, глаза. По спине Мирека пробежал холодок. Он много слышал рассказов о шмельфах, но ему ещё никогда не приходилось видеть их. Шмельфы вообще редко заходили в земли лугров. Тем более с такими серыми лицами и красными глазами.

– И вам день добрый, – поздоровался Мирек, стараясь отбросить дурные мысли.

– Неподалеку деревня? – спросил серый незнакомец.

– Недалеко, – ответил Мирек.

– Большая?

Лугр пожал плечами.

– Обычная. А что?

– Очень хорошо.

Серый шмельф достал флягу из тряпичного мешочка, что висел на поясе. Чёрная кожа обтягивала её тонкими лентами, создавая причудливый узор.

– Жарко, – сказал он. – Не хотите глотнуть?

Мирек пить не хотел, тем более из чужой фляги.

– Вообще-то, нет, – ответил он.

– Ладно. Значит, деревня там?

– Там.

Серый шмельф улыбнулся недоброй улыбкой и пошёл по тропинке. А Мирек, сбитый с толку, смотрел ему вслед, пока тот не скрылся из виду.

А потом молодой лугр встал, снял грубую рубаху, развязал верёвку на поясе и скинул штаны. И, распугав мальков, нырнул в реку. Холодная вода окутала его – и усталость от работы, и мысли о незнакомце вмиг покинули его. Он проплыл несколько метров под водой и вынырнул. Потом вылез на берег и подставил голое тело под тёплые лучи солнца. Деревья склоняли над ним ветви, шумели листвой, словно приветствовали его, а в синем небе неспешно плыли белоснежные облака. Мысли Мирека устремились за ними, он замечтался и уснул.

Проснулся он, когда ветви уже отбрасывали на лицо тень. Дуб раскачивал ветвями и шумел листвой так, словно хотел разбудить его или сообщить о какой-то опасности. Но Мирек не придал этому значения. Он оделся и поспешил домой.

Дорофей сидел на скамеечке возле кузницы.

– Извини, отец, я опоздал, – сказал Мирек, когда вошёл во двор. – Пойдём работать?

Он взял со скамейки фартук.

– Зачем? – произнёс кузнец, глядя перед собой, словно в пустоту.

– Что, значит, «зачем»? – удивился Мирек.

– Не вижу в этом смысла, – проговорил кузнец.

– Мы же меч хотели делать.

– К чему всё это?

– Ты же сам говорил, что нужно уметь защищаться.

– Мечи, подковы. А зачем?

– Да что ты заладил, зачем да зачем?! – рассердился Мирек и взглянул на отца.

Фартук из его рук выпал. Только сейчас он заметил, что глаза отца были безразличны и пусты, словно в них и не было жизни.

– Ну починим соху, будем землю пахать, – проговорил кузнец, – а лошади будут с новыми подковами. Потом ещё что-нибудь сломается. Опять починим. К чему всё это? Возимся, как мыши.

– Да какие мыши?! О чём ты говоришь? – испуганно проговорил Мирек.

– Я уже столько прожил и ни насколько не сдвинулся. Как родился в этой деревни, так и живу здесь, – проговорил кузнец.

– И хорошо, – вставил Мирек.

– Как взял в детстве молот, так до сих пор им и стучу.

– А что в этом плохого? Ты делаешь полезные и красивые вещи, тебя уважают во всей округе. Ты же сам говорил!

– А что дальше? – спросил кузнец.

– А ничего! Мы же уже живём!

– Вот и я говорю, возимся, как мыши, – отрешённо повторил Дорофей.

– Да сдались тебе эти мыши! – проговорил Мирек в недоумении.

Он оставил отца и пошёл в избу, надеясь, что мать объяснит, что произошло.

– Мама, с отцом что-то стряслось, – взволновано сказал Мирек.

– Ну и что? – отрешённо произнесла мать.

И холод ужаса окатил Мирека с головы до ног. Глаза матери были так же пусты и были словно неживые.

– Рано или поздно всему придёт конец. Так зачем же вообще что-то делать? – как бы сама себе проговорила мать.

Мирек выскочил на улицу и побежал так, словно в доме был пожар. Он хотел кричать и звать на помощь, но в округе царили тишина и безразличие. Деревня была околдована.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мирек обошёл всю округу, зашёл в каждый дом, но везде было одно и то же: пустой взгляд и безразличие. Дядя Иштван ничего не ответил, а только равнодушно посмотрел на Мирека. Дед Бродоеш пробубнил что-то себе в бороду и полез на печку. Ни от кого Мирек так и не допытался, что же произошло в деревне. А когда он увидел Олесу, когда заглянул в её прекрасные, но равнодушные глаза, то разрыдался.

Оставался только хруль Барнабаш, что жил в одиночестве на хуторе. Отшельником он жил уже очень давно.

Ещё в молодости он и его брат Барбандаш влюбились в дочь уважаемого жлоблина, а пока они спорили, кому она достанется, та вышла замуж за богатого сморка и уехала жить в город. После этого Барнабаш обвинял Барбандаша, мол, это он виноват, что их любовь уехала, а Барбандаш обвинял в этом Барнабаша. В конце концов их ссора так разгорелась, что они оба уехали из деревни, подальше друг от друга. Барнабаш – на хутор, а Барбандаш – на болото. Прошли уже многие годы, но братья так и не помирились. Они продолжали сердиться друг на друга, но уже, быть может, не из-за вражды, а скорее по привычке.

Мирек брёл на хутор без всякой надежды. Он ожидал, что беда уже и туда проникла. Но когда он подошёл к покосившемуся дому с почерневшими брёвнами, меж которых торчал высохший и побелевший мох, то на крыльце увидел хруля, тот беззаботно грыз болотный корень. И когда он увидел Мирека, то расплылся в улыбке, отогнул полу жилетки из шкуры кудришерстика и сунул корень в карман рубахи.

– Мирек! – радостно сказал он, вставая с крыльца.

– Дед Барнабаш, ты-то хоть в своём уме? – с надеждой спросил тот.

– А в чём мне ещё быть? Я всегда в уме своём!

Старый хруль улыбнулся.

– В деревне беда случилась! – сказал Мирек. – Все глазами пустыми смотрят и не хотят ничего.

– А я давно уже говорю, что мир катится в пропасть! – поддержал его Барнабаш. – Сморки забирают чужих невест! Разве это справедливо? Мир катится в татарары, я это говорю и всегда говорил. Мало того, что сморки совсем распоясались, так тут ещё и шмельфы расхаживают по нашим лесам, словно у себя дома.

– Шмельф! – вспомнил Мирек.

– Если дело так и дальше пойдёт, скоро и гогры начнут спускаться с гор, – продолжал хруль. – Помяни моё слово. Они спустятся и заграбастают все болота и леса. Вот тогда-то мы попляшем горную песенку!

– А что этот шмельф делал здесь? – спросил Мирек.

– Сначала о колодце расспрашивал. А потом выпить предлагал из его фляги. А я что? Я – хруль! Мне вода ни к чему! – сказал Барнабаш и с сожалением добавил: – Хотел я ему это растолковать, поподробней, с особым пристрастием, да только он раньше ушёл.

– Куда?! Куда он пошёл?

– А леший его знает! Давай лучше чайку болотного выпьем. Я таких слизняков наловил! Ух! Пальчики оближешь! Вырвет с первого же глотка!

– Не время чай пить. Куда он пошёл?

Хруль махнул рукой в сторону леса и сказал:

– Он пошёл вон туда! – потом подумал и добавил: – А может быть, и в другую сторону. Кто ж знает, что у этих шмельфов на уме! Я в таких вещах не разбираюсь. Вот мой братец в две секунды вычислил бы, куда он пошёл. А я не, думать – это не моё. Не люблю я это дело.

– Ладно, я пойду, – сказал Мирек.

– Куда так сразу? И чаю не попив? – остановил его Барбанаш.

– В мёртвый лес.

– К Барбандашу?

– Ты же сам сказал, что он, может, и скажет чего.

– О! Ну тогда передай ему от меня пламенный привет. Ты только обязательно передай, – сказал хруль, – и скажи, что он настоящий осёл. Из-за него мы такую жлоблиншу упустили. Ты только обязательно передай. Так и скажи, дескать, Барбандаш, ты не хруль, ты настоящий осёл. И ещё скажи, что для него мои двери всегда закрыты, – он почесал затылок, подумал и добавил: – Я сейчас!

Он ушёл в лачугу, погромел посудой и вскоре вышел с котомкой в руках.

– Вот! Я ему гостинец собрал. Тут дорожниковые олады, настой из слизняков, немного маринованных змей и жареных пиявок. И ещё он очень любит яблоки, поэтому передай ему репчатого лука, – сказал хруль и повесил связку луковиц Миреку на шею. – Пусть пожует, чтобы ему жизнь мёдом не казалась.

Молодой лугр пробирался через заросли и весь исцарапался, а когда попал в сосновый бор, то побежал, погружая ноги в приятный ковёр мха. Через какое-то время живые деревья стали появляться реже, а мох под ногами захлюпал. Вскоре Мирека окружил серый лес. Куда бы ни падал взгляд, везде стояли мёртвые деревья. Иногда раздавалось кваканье лягушек, иногда проскальзывали меж кочек мха маленькие ужики. От болотного смрада дышать было тяжело, и Мирек ругал в душе старого хруля за то, что тот забрался так далеко.

Когда он всё-таки добрёл до низенькой лачуги, то постучал в дверь. Но никто не ответил, только где-то проквакала лягушка. Мирек постучал ещё и услышал за дверью шарканье. Дверь проскрипела, и на пороге показался старый хруль с безумным взглядом и взъерошенными волосами, словно пучком высохшего мха.

– Я Мирек. Вы меня не помните?

– Лугр, – произнёс хруль и ушёл в избу, оставив дверь открытой.

– Дед Барбандаш, в деревне беда, – сказал Мирек, заходя в жилище хруля.

– Беда?! – перебил его старец. – А здесь, стало быть, беды нет? Здесь, стало быть, всё радуется жизни?

– Все в деревне смотрят пустыми глазами, – продолжил лугр.

– Пустые глаза – это плохо, – констатировал дед, расставил руки в стороны и оглядел избу. – А у меня, как видишь, дом полон богатств.

– В деревне только ваш брат в своем уме остался, – отчаянно сказал Мирек. – Он вам передавал привет.

– И всё? – хруль блеснул взглядом.

– Нет, ещё вот это, – сказал Мирек и снял сумку с плеча.

Барбандаш сразу же переменялся в лице, пристально посмотрел на ожерелье из луковиц на шее гостя, подошёл к нему и одну луковицу оторвал, потом посмотрел на нее и сказал:

– Ну, хоть мой брат и того, – он покрутил пальцем у виска, – но всё же вспомнил обо мне.

После сказанного он откусил половину луковицы вместе с кожурой и принялся жадно жевать.

– Яблочки – что надо! – наконец проговорил он.

Мирек смахнул землю со скамейки и сел за стол, на котором с одного края лежали травы и коренья, а с другого – стоял помятый жестяной котелок. Он положил котомку на стол. Барбандаш заглянул в неё и, заметив бутылку, округлил глаза.

– Настой?! – радостно спросил он.

Он живо достал сосуд, вытащил зубами пробку и выплюнул её на пол, принялся и сказал:

– Ну точно! Из слизняков!

Он запрокинул бутылку, сделал несколько глотков и выдохнул с таким выражением на лице, будто у него сейчас глаза вывалятся из глазниц.

– Ну и гадость! – проговорил он, снова опрокинул бутылку и сделал ещё несколько глотков.

Вновь выдохнул и сказал:

– Прямо-таки невозможная мерзость!

Потом он отдышался, отплевался – и спросил гостя, но уже дружелюбным тоном:

– Так о чём ты там говорил?

– Я говорю, в деревне беда, лугры работать не хотят. Говорят, мол, какой в этом смысл, всё равно рано или поздно придёт конец, – сказал Мирек.

– Чему придёт конец? Работе? – не понял Барбандаш и оторвал ещё одну лукавицу от связки.

– Всему, – безнадёжно пояснил Мирек, снял связку с шеи и положил её на стол.

– Так-так-так, – протараторил Барбандаш, – всему придёт конец.

Он ещё откусил от луковицы, но уже не так жадно и задумался. А в следующую секунду его будто осенило, и на его лице изобразился ужас.

– О леший! – прокричал он. – А ведь и правда всему придёт конец! Что же нам делать?!

Хруль схватился за голову и забежал по комнате. Мирек насторожился. Он вспомнил, как говаривали о том, что на болото лучше и носа не показывать, так как в здешних местах можно враз сойти с ума.

– Ладно-ладно, я пошутил, – успокоил его Барбандаш и тут же принял серьёзный, почти героический, вид.

Он положил руки на пояс и принялся расхаживать по комнате широкими шагами, будто хотел измерить её длину.

– Значит, говорят, придёт всему конец. Очень интересно, – говорил он с расстановкой, – а если конец придёт, значит, было начало. А начало чего? Начало конца, стало быть. А начало конца – это, мой дорогой, полнейший абсурд! – Барбандаш остановился, внимательно посмотрел на Мирека и продолжил: – Отсюда следует, что они не правы. Что и требовалось доказать! А теперь выпьем грибного чайку!

– Дед Барбандаш, нам не требовалось доказать, что они не правы. Это и так понятно. Ты скажи, почему они вдруг так переменялись? И что это за серый шмельф...

– Ты не говорил о шмельфе, – заинтересовался хруль.

– Да, не говорил, – согласился Мирек. – В лесу ко мне подошёл шмельф с серым лицом и красными глазами. Расспросил о деревне, где она и какого размера.

– А глаза были красные?

– Красные.

– Так-так-так! А лицо серое, словно пятки лупаглазика?

– Серое.

– Ну точно, серый шмельф!

Хруль почесал подбородок, а потом вдруг рассвирепел и стал трясти кулаками перед своим лицом.

– Так что ж ты его не схватил?! – закричал он.

– Да за что? – удивился Мирек. – Он ведь только дорогу спросил!

– Ага! – вскрикнул Барбандаш. – Значит, дорогу показал ему ты?!

Он схватил Мирека.

– А ну, отвечай, зачем ты показал ему дорогу?! И что вы задумали?!

Мирек аккуратно убрал руки хруля от себя и сказал:

– Если бы я был с ним заодно, разве я пришёл бы к тебе?

– Да, в твоих словах есть доля правды, – согласился хруль. – И что было дальше?

– Потом он мне предложил выпить из его фляги.

– И ты выпил?!

– Нет. Я отказался.

– Молодец! Вот тут я тебя снова зауважал!

– Потом он ушёл, – закончил Мирек.

– В деревню, – уточнил Барбандаш.

Мирек кивнул, а хруль вновь важно зашагал по комнате.

– Если мыслить дундуктически, – рассуждал он, – то выходит, раз в этих краях до появления серого шмельфа подобного никогда не было, а с его появлением случилось, то, стало быть, виновным он быть вполне может.

Барбандаш помолчал, потом вдруг просиял, будто ему пришла отличная идея, поднял указательный палец и добавил:

– Но может им и не быть!

Мирек, не веря в происходящее, тряхнул головой, а Барбандаш с важным видом доел луковицу и продолжил рассуждать:

– А раз серый шмельф виновным может и не быть, а мы его тут голословно обвиняем, то преступники получаемся мы. А раз преступники мы, то мы и виновные во всём случившемся!

– Ты сам-то слышишь, что говоришь? – уже безнадежно спросил Мирек. – Ты только что доказал, что мы во всём виноваты.

– Так ведь это если рассуждать дундуктически, – объяснил тот. – А если мыслить, как есть, то получается совсем по-другому.

– Как по-другому?

– Ну, тут всё очень просто, – опять хруль погрузился в размышления, – если дундуктически получается, что виноваты мы, а серый шмельф не виноват, то если мыслить по-другому, стало быть, мы не виноваты, а виноват он.

Мирек облокотился на стол и взялся за голову.

– А раз во всём виноват он, – продолжал Барбандаш, – значит, для разрешения проблемы, нужно его поймать, допросить, и в случае необходимости, пощупать его за шею и, так сказать, пересчитать ему рёбрышки, намяв бока!

– Так как же его найти?

– О, это очень просто! Скажи, с какой стороны света ты был от деревни, когда он к тебе подошёл?

– С юга, – ответил Мирек, обретая надежду, что Барбандаш что-нибудь придумает.

– С юга, – сказал тот, – стало быть, он идёт с юга на север и чтобы его догнать, надо тоже идти на север. А что у нас на севере?

– Трактир, – радостно сказал Мирек.

– Значит, надо идти к трактиру, шмельфа изловить, с пристрастием, так сказать, помассировать ему шею – и допросить! А теперь всё же выпьем болотного чайку! Я такой травы заварил! Траванёшься так, что и мама родная не откачает! – объявил Барбандаш.

Но Мирек встал из-за стола.

– Спасибо, – сказал он, – но я не буду терять времени.

Хруль покивал головой, поняв, что чай он с Миреком не попьёт.

– Жаль. Тогда вот что! Я думаю, тебе кое-что понадобится.

Он порылся в сундуке в углу комнаты и вытащил ржавый гвоздь на шнурке.

– Вот! – сказал он и протянул его Миреку. – Это оберег от всех опасностей.

Мирек с сомнением посмотрел на гвоздь, а Барбандаш, заметив его взгляд, добавил:

– Ну, может не от всех. Но всё же штука замысловатая, авось и пригодится. Я его в прошлом году из одного лупаглазика вытащил.

– А ты уверен, что он мне нужен? – спросил Мирек.

– И не сомневайся! – перебил его Барбандаш. – Без такой штуковины вообще ни стоит из дома выходить!

Мирек посмотрел на гвоздь, потом всё же надел его на шею, поблагодарил Барбандаша за помощь и вышел из лачуги. А хруль взял со стола ещё одну луковицу, откусил, пожевал в задумчивости и сказал:

– Странные эти яблочки. Эх, наверно я уже старею.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Покинув болото, Мирек вернулся на хутор к Барнабашу и уговорил его пригласить за селянами, позаботиться о них. И только потом отправился на поиски серого шмеляфа.

Трактир «И в хвост, и в гриву!» расположился неподалёку от дороги, протянувшейся между городами. Когда-то в нём останавливались уставшие путники, но в последнее время они были здесь большой редкостью. Завсегдатаями тут были несколько бездельников с ближайших болот, да трактирщик, которого как только не называли. Среди его прозвищ были: и Властелин Бочек, и Бочкантус Проклятый, и Великий Бочколаз... но чаще всего его именовали – Смердун Печальный.

Сегодня в трактире играли в кости двое: толстяк по имени Жабодав и тощий лугр по имени Лютик. Перед игроками стояли кружки с болотной жижей, сваренной по особому рецепту трактирщика, а на середине стола блестели монеты. Трактирщик же наблюдал за игрой, подперев плечом стену. Вчера он перепил болотного варева, пока снимал пробу с фирменной жижи, так что теперь он был печален и грустен. Он был как-то задумчив и местами помят, словно по нему пробежало стадо свирепых пятконосов. По крайней мере, он себя так чувствовал.

Лютик потряс кружкой у своего уха, приговаривая:

– Шестёрочки, шестёрочки.

Он выбросил кубики на стол, и когда те остановились, с досадой выкрикнул:

– Чтоб тебя! – и ударил себя по лбу.

Жабодав расплылся в улыбке и стрёб монеты к себе. В этот момент в трактир вошёл Мирек. Трактирщик бросил на него печальный взгляд и не спеша к нему подошёл.

– Мест нет, – сказал он.

– Мне оно и не нужно, – ответил молодой лугр, окидывая взглядом помещение.

– Чего же ты тогда пришёл?

– Хорошо вы встречаете посетителей. Может быть, это и не трактир вовсе?

– А мне здесь чужаков не надо, – отрезал тот.

– Инструменты всей округи выкованы моим отцом, а я, значит, чужак? – проговорил Мирек.

Трактирщик оглядел его с головы до ног и, видимо удостоверившись в чём-то, удалился в подсобное помещение.

Мирек посмотрел на Лютика и Жабодава, те увлечённо швыряли кубики на стол. Каждый раз Лютик бил себя по лбу, а Жабодав всё больше и больше сгребал монет на свою сторону.

Тем временем хозяин заведения налил две кружки жижи и вернулся.

– Вообще-то, я жижу не пью, – сказал Мирек, садясь за стол.

– Обижаешь. Какой уважающий себя трактирщик будет пить жижу днём? Это так, водица... болотная. К тому же за мой счёт.

Он поднял кружку и с почтением произнёс:

– И выпьем за великого мастера Дорофея и его сына!

Потом он сдул зелёную пену и залпом опустошил кружку наполовину. Отдуваясь, поставил её на стол и произнёс:

– Что ж ты сразу не сказал, что ты свой?

– Не знал, что в трактире не любят гостей, – ответил Мирек.

– От чужаков одни беды. Сейчас такое время, что вот так запросто, нос к носу, можно столкнуться с шмельфом! Ты можешь себе это представить?

– Он здесь был?! – оживился Мирек.

– Был! И ещё как был! Был так, что дальше некуда! Жуткий тип. Как вспомню, аж пере-дергивает. Невоспитанный, как хвост лупаглазика!

Трактирщик поморщился, затем поднёс к губам кружку и медленно допил жижу, выдохнул и продолжил:

– Где же это видано, чтобы посетитель в трактир со своим товаром приходил! Да ещё пристал как репейник, выпей, мол, да выпей из его фляги.

– Он давно здесь был? И куда он пошёл?

– Да пусть катится к самому лешему! – выкрикнул трактирщик и ударил кулаком по столу. – Я ему так и сказал, а он чего-то ещё бормотал себе под нос, угрожал.

– Эй, Бочколаз! – позвал его Жабодав. – Принеси ещё пару кружек, да поскорей!

Но тот и глазом не моргнул.

– А ты оставайся, я тебе предоставлю комнату, – сказал он Миреку. – Здесь хорошо. Ежели ты нашенский, то никаких проблем!

– Бочкантус, ты что, оглох совсем?! Что ты там расселся?! – выкрикнул Лютик.

– Да отстань ты! – отмахнулся хозяин заведения. – Не видишь, я разговариваю?

– Скажите, вы знаете, куда он направился? – спросил Мирек.

– Кто? – не понял трактирщик.

– Шмельф, – напомнил Мирек.

– Да куда ему ещё идти? Я ему лошадь продал и послал к лешему! – проговорил трактирщик и после паузы добавил: – В город, наверно.

– Вы ему ещё и лошадь продали? – удивился Мирек.

– Конечно, так он поскорее бы убрался отсюда прочь! К тому же он хорошо заплатил.

Мирек облокотился на стол и взялся за голову.

– Как же я теперь его догоню? – вымолвил он.

– Да ты не расстраивайся, – сказал трактирщик, – я и тебе могу продать.

– У меня нет денег, – проговорил молодой лугр, не поднимая головы.

– Денег нет – не беда, – произнёс Жабодав.

Мирек посмотрел на него.

– Сыграем в кости? – предложил толстяк и указал на игральные кубики. – Ставлю десять монет, против твоей воли.

– Грабёж, – вмешался Лютик.

– Против чего? – не понял Мирек.

– Выиграешь – отдаю тебе десять монет, – пояснил Жабодав. – Проиграешь – будешь моим пленником.

– Это уж слишком, – молодой лугр покачал головой.

– Давай тогда так. Проиграешь – будешь не пленником, а слугой. Идёт?

– А что, есть разница?

– Ты что! Огромная!

– Всё равно это мне не по душе, – проговорил Мирек.

– Ладно, ладно, – сдался толстяк, – выиграешь – забираешь все монеты. А проиграешь – будешь моим слугой только до зимы.

– Это уже кое-что, – сказал Лютик. – Я бы обязательно сыграл.

– Всё равно это не по мне, – сказал Мирек. – Отец говорит, надо полагаться на свои силы, а не испытывать удачу.

– Ну что ж, тогда давай поборемся на руках.

Жабодав ухмыльнулся и упёрся локтем в стол.

– Победишь – твоё золото! Нет – быть тебе невольником до заморозков.

Мирек оглядел соперника, пересел к нему за стол и принял вызов.

Они сцепили руки в «замок».

– Раз, два, три! – скомандовал Лютик.

Жабодав нутужился, нупрягся и зарычал.

– Ух, я тебя! – заугрожал он.

Но годы обращения с молотом не прошли для молодого лугра даром, и его рука оставалась неподвижной. Вскоре Жабодав затрясся, свирепо замычал, потом заскулил, запищал – и Мирек легко уложил его руку на стол.

Лютик отвесил толстяку звонкую оплеуху.

– Вот ты лупаглазик болотный! – выругался он. – Как ты мог все наши деньги проиграть?!

– Я просто не размялся, – проговорил тот и посмотрел на Мирека: – Давай так, ставлю лошадь против всех твоих монет!

– У тебя же нет лошади, – сказал Лютик.

– Ставлю коня трактирщика! – объявил толстяк.

– Да как ты смеешь ставить моего коня?! – возмутился тот.

– Как будто ты меня не знаешь? Сочтёмся! – успокоил его Жабодав.

Но трактирщик смотрел на него строгим и непреклонным взглядом.

– Я же каждый день здесь! – взмолился толстяк. – Да я тебе как сын родной!

– Да какой ты мне сын? – сказал трактирщик. – Ты же старше меня!

– Что же если я чуточку тебя постарше, то уже и коня твоего поставить на кон не могу? Ну, мы же как братья! В наших жилах течёт жига из одной бочки!

– А, леший с тобой! – трактирщик махнул рукой. – Но если проиграешь, будешь до зимы моим полотёром.

– Идёт! – обрадовался Жабодав.

И вновь он упёрся локтем в стол. Снова соперники сцепились руками. И снова, сколько бы Жабодав не тужился и не пыжился, Мирек легко его одолел.

Толстяк с досады ударил по столу.

– Ты что, издеваешься надо мной?! – воскликнул он. – Ты! Ты... как у тебя это получилось?

– Не знаю, – Мирек пожал плечами.

– Ну всё, ты меня рассердил! – сказал Жабодав. – Ставлю против твоего коня и монет... Лютика!

– Да какое ты имеешь право играть на меня?! – возмутился тот.

– А вот это видал?! – сказал толстяк и пригрозил ему кулаком. – Ставлю на кон Лютика! – повторил он.

– Ты не посмеешь, – проговорил Лютик, – я же твой друг.

– Не бойся, – успокоил его Жабодав, – я тебя не проиграю.

– Ну, раз не проиграешь, тогда ставь! – согласился Лютик.

В третий раз трактир огласился рёвом и писком толстяка. И в третий раз рука Мирека не дрогнула, и он вновь победил соперника.

– Эх ты, друга проиграл, – сказал трактирщик.

– Как ты мог? – Лютик с упрёком посмотрел на толстяка. – А я тебе верил.

Жабодав встал и пнул ногой табуретку.

– Разорил меня! Разорил подчистую! – прокричал он. – О горе мне! Горе! Что же за день-то сегодня проклятый! С кем теперь я буду играть?! И главное, на что?! – сокрушался он.

– Да не переживай ты так, – сказал Мирек. – Не нужны мне твои монеты. И друга своего можешь оставить себе.

– Это как это? – оскорбился Лютик. – Так дело не пойдёт. Теперь ты мой господин. И, как говорится, мы в ответе за того, кого поработили.

– Ну раз я твой господин, то слушай моё волеизъявление, – сказал молодой лугр.

– Слушаю и повинуюсь, – раболепно проговорил тот.

– Я дарю тебе свободу! – объявил Мирек.

И Лютик расплылся в улыбке.

– Вот за это вам спасибо, мой господин. Рад был вам служить! Это было поистине счастливое время! – сказал он.

Когда Мирек запрыгнул в седло и пришпорил коня, тот сорвался с места и понёс седока прочь от трактира. Вслед ему смотрели трое умилённых лугров.

– Да уж, силен парнишка! – проговорил трактирщик. – Как-никак, сын кузнеца!

– Мой бывший господин, – с гордостью добавил Лютик.

– А какая душа! Подарил мне все монеты! – проговорил Жабодав и смахнул слезинку. – Эх, пойдёмте хлебнём жижи за его здоровье.

– Зимой похлебаешь! – сказал трактирщик. – А сейчас бери тряпку – и отправляйся мыть полы, полотёр!

Конь, почувствовав свободу, скакал через лес во всю прыть. Когда же наступила ночь, лугр напоил коня в реке и расположился под деревом. Вскоре в траве послышался шелест. В пыли на тропинке начали появляться тёмные точки. Зашумела речка, а на её поверхности зарябило множество расходящихся кругов. Пошёл дождь. Мирек прислонился к стволу дуба и обнял колени. Тропинка потемнела, местами появились небольшие лужицы и соединились узенькими ручейками. И тут молодой лугр почувствовал себя таким одиноким и несчастным, что заплакал. Текли по щекам дождевые капли, текли по щекам солёные слёзы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.